

Флористическая метафора в поэтической речи Б. Ахмадулиной

Floristic Metaphor in the Poetic Speech of B. Akhmadulina

Лапутина Т.В.

Канд. филол. наук, доцент, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», г. Москва
e-mail: laputina.tanya@yandex.ru

Laputina T.V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University, Moscow
e-mail: laputina.tanya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию функционирования слова в поэтической речи как актуальной проблеме современной лингвистики. Цель исследования заключается в описании флористической метафоры в поэтической речи выдающейся поэтессы XX–XXI Беллы Ахмадулиной. В центре внимания находится поэтическое слово, структура значения которого шире структуры закреплённого за ним в языке лексического значения.

Ключевые слова: флороним, флористическая индивидуальная метафора, поэтическая речь, Б. Ахмадулина.

Abstract

The article is devoted to the study of the functioning of a word in poetic speech as an urgent problem of modern linguistics. The purpose of the study is to describe the floristic metaphor in the poetic speech of the outstanding poetess of the 20th and 21st centuries, Bella Akhmadulina. The focus is on the poetic word, whose meaning structure is broader than the lexical meaning assigned to it in the language.

Keywords: floronym, floristic individual metaphor, poetic speech, B. Akhmadulina.

Введение

Метафорические особенности наименований растений находятся в центре внимания в современных филологических работах. Появляются исследования, посвящённые наименованиям цветущих растений в системе русских устойчивых сравнений [8, с. 104–105] или роли цветочных мотивов в художественном универсуме того или иного автора [5, с. 131–135], специфика когнитивной флористической метафоры анализируется на материале русской поэзии первой половины XIX в. [2, с. 24–65]. Предметом серьёзного анализа становятся лексикологические, словообразовательные и синтаксические свойства флоронима *цветок* [4, с. 258–260].

Языковая картина мира, по справедливому замечанию А.А. Биджиевой, тесно связана с метафорой как одним из способов её создания и представляет собой «не зеркальное отображение мира, а именно картину, то есть интерпретацию, зависящую от призмы, через которую совершается мировидение» [2, с. 202]. Флористические метафоры формируют значительный фрагмент концептуальной картины мира, что мы и попытаемся продемонстрировать на материале лирики Беллы Ахмадулиной.

Мир флоры в поэтической речи Беллы Ахмадулиной многообразен и незатейлив. В этом мире «грустным знанием душа стеснена» при виде первоцветов на проталинах, «когда растёт

желтизна из открытой земли и расщелин», а лирическая героиня «первоцвет упасая от следа», воспеваает «*этот, в дрожь повергающий блеск*» цветка [1, с. 50]. Неприхотливый желтый одуванчик способен заставить остолбенеть: «Сколь ни живи, сколь ни учи наук — // жизнь знает, как прельстить и одурачить, // и робкий неуч, молвив: «Это — луг», —// остолбенева, глядит на **одуванчик**» [1, с. 39]. Обыкновенный репей именуется влюбленной колючкой, а героине трудно понять, кто чей трофей, как она признаётся в стихотворении «Лебедин мой»: «Всё в лес хожу. Заел меня репей. // Не разберусь с влюбленною колючкой:// она ли мой, иль я ее трофей? // Так и живу в губернии Калужской» [1, с. 80].

Отметим определенную представительность лексико-семантической группы флоронимов, состоящей из названий цветов и включающей такие наименования, как *ключики, подснежники, одуванчик, Ванька-мокрый, медуница, мать-и-мачеха, пролесник, ветреница, лютик, ромашка, календула, ландыш, прострел обыкновенный, флоксы, роза, цветы сирени и, конечно, соцветия черемухи* и др.

Остановимся в пределах настоящей статьи на флоронимах, обладающих бесспорной значимостью в поэтическом языке Б. Ахмадулиной и недостаточно исследованных в работах, посвященных творчеству поэтессы. Предметом анализа настоящей статьи выступает семантика языковых единиц, служащих наименованиями таких цветов, как *Ванька-мокрый, медуница*.

К одним из важных наименований цветов в поэтическом мире Б. Ахмадулиной относится флороним, именуемый поэтессой *Ванькой-мокрым* и фигурирующий в ряде таких стихотворений, как «Печали и шуточки: комната», «Цветений очередность», «Род занятий» и др.: «В ту комнату, где прошлою зимой / я приютила первый день весенний, / где мой царевич, оборотень мой, / цвёл **Ванька-мокрый**, мокрый и воспетый...» [1, с. 99]. Семантическая структура данного флоронима, преобразованная с помощью метафор, включает семы, связанные с обозначением мужской красоты, оказывающей воздействие с помощью чародейства, этому способствует употребление приложения *царевич* как обозначение красивого юноши, связанное ещё с народно-поэтическим восприятием, и приложения *оборотень* как обозначение человека, обращенного или способного обращаться в зверя или предмет («где мой царевич, оборотень мой» [1, с. 99]).

Отметим, что для идиостиля Б. Ахмадулиной характерно обращение к приложениям, характеризующим предметный мир в её стихах [6, с. 253–266]. В обширной типологии субстантивной метафоры поэтессы метафоры- приложения отличаются значительной представительностью [7, 83–89].

Семантика этих приложений поддерживается эпитетами *заколдованный и ненаглядный*, которыми поэтесса характеризует своего царевича: «Отъезд мой скорый мне внушает грусть, // Страдает **заколдованный** царевич, // Мой **ненаглядный**, я ещё вернусь. // Ты под опекой солнца уцелеешь» [1, с. 102]. Образ цветка, создаваемый с помощью метафоры-приложения, позволяет сопоставить его с *царевичем* и *оборотнем*.

Ряд метафор-приложений, формирующих семантику флоронима *Ванька-мокрый*, продолжается лексемами *конфидент* и *ревнивец*: «Он и теперь стоит передо мной, / **мой конфидент и пристальный ревнивец**. / Опять полузимой-полувесной / над ним слова моей любви роились» [1, с. 102]. Отметим, что метафора-приложение относится к субстантивным метафорам, характерным для поэтической речи Б. Ахмадулиной [7, с. 83]. В семантическую структуру фитонима *Ванька-мокрый* входят семы, обозначающие человека, которому поверяют секреты и тайны, и склонного к ревности. Эпитет *пристальный* характеризует напряженно-внимательный взгляд, сосредоточенный на лирической героине.

Обратим внимание на ряд особенностей, связанных с употреблением эпитета, который вместе с метафорой создает образ фитонима. Являясь ядерной частью признаковой лексики, эпитет все же в большей степени образно отмечен, выступает экспрессивным средством выразительности. Эпитет *нечванливый* характеризует цветок, подчёркивая его скромность: «Цвет в просторечье назван голубым, // но остается анонимно-большим. // На таковом — малина и рубин — // мой нечванливый **Ванька-мокрый** ожил» [1, с. 39].

Стилистический взгляд на природу эпитета подразумевает рассмотрение эффекта данного тропа, который он оказывает на поэтический контекст. Эпитет в сравнительной форме *жадней* характеризует не столько признак, сколько состояние, отличающее этот цветок от других: «Нет, Ванька-мокрый не возжег цветка. //Жадней меня он до зари охотник. // Что там с Окой? — Черным-бела Ока, — //мне поклялись окно и подоконник» [1, с. 74].

Подводя итог размышлениям о семантической структуре фитонима *Ванька-мокрый*, отметим, что образ цветка, очаровывающего таинственной мужской красотой, являющимся тем, кому можно доверить скрытые разговоры, и проявляющий ревность, создаётся благодаря включению таких характерных сем, как *мужская красота, чародейство, склонность к ревности и заслуживающий доверия* в структуру лексического значения слова, обозначающего данный флороним.

Наряду с такими флоронимом, как *Ванька-мокрый*, фитоним *медуница* также представлен в поэтических строках нескольких стихотворений поэтессы. К ним мы можем отнести стихотворения «Преппирательства и примирения», «Цветений очередность», «Есть тайна у меня от чудного цветенья». Если с образом первоцвета *ключики* связано восприятие окружающего пространства природы, отрадного для лирической героини и несущего утешение и радость, а образ *Ваньки-мокрого* включён в лирическую тему поиска близкого по душе человека, то образ медуницы появляется тогда, когда поэтесса размышляет о творчестве.

Примечателен для лирической героини запоминающийся лилово-алый цвет соцветия медуницы: «— Оглянись! — донеслось. — Оглянись! //Там ручей упирался в запруды. // Я подумала: **цвет медуниц** // не забыть описать. Не забуду» [1, с. 51]. Поэтесса так описывает цвет медуницы для глаз: «Слив двоюродно-близких цветов://от лилового неотделимы // фиолетовость детских стихов // на полях с отпечатком малины» [1, с. 51].

Не только цвет растения, но и форма его соцветия привлекли внимание поэтессы. Лепестки медуницы в соцветии образуют форму, в чем-то повторяющую гортань человека. Отметим, что лексема *гортань* участвует в образовании пространственной метафоры Б. Ахмадулиной *ущелье гортани* в стихотворении «Слово», в котором она размышляет о тайне рождения поэтического слова и физических страданиях, выпадающих на долю поэта, поставившего перед собой цель выразить всю полноту подлинного слова. Рождаясь в горле, звуки обретают смыслы, превращаясь в слово. Однако слово, рожденное голосом, по мнению поэтессы, может обольщать, предоставив поэту неопрятный и славный удел ведать хладом, внушаемым залу.

Переходящее в страх смятение, выраженное в невозможности определить грехом или долгом является ее сила повелевать залом, внимающим ее голосу, связано с ощущением неискренности звучания голоса. Это противоречие снимается сравнением горла *алого рваного проёма с соцветием медуницы*, созданной в стихотворении «Преппирательства и примирения»: «Это страх так отважно поёт, //обманув стадион бледнолицый. // **Горла алого рваный проём** // был ли издали схож с медуницей? [1, с. 50]. Лирическая героиня замечает: «Я лишь здесь совершенно не лгу», осознавая себя частью природного мира. Её проём горла, наполненный кровотоком речи, сродни ало-лиловому соцветию медуницы. По замечанию Н.М. Девятовой, в образном сравнении соотносятся разнородные предметы, а общий признак может и не принадлежать к существенным признакам сравниваемых объектов [3, с. 102].

Общими признаками для сравнения в данной конструкции становятся алый цвет и форма цветка, повторяющая очертания гортани. Важным является сочетание слова *проём* с эпитетом *рваный*, в семантической структуре которого сема *действия* призвана изобразить физические страдания при создании слова, обладающей полнотой мысли и чувства.

Семантическая структура фитонима *медуница*, включая семы *алый цвет, форма гортани*, шире входящего в эту структуру прямого значения, обозначающего невысокое многолетнее травянистое растение.

Семантическая структура флоронимов в поэтической речи Б. Ахмадулиной шире закрепленного за ним прямого значения. Флороним *Ванька-мокрый*, чья семантическая

структура, включающая обозначение и растения семейства бальзаминовых, и близкой понимающей души, наделенной привлекающей таинственной мужской красотой и способной ревновать лирическую героиню, создает запоминающийся образ цветка.

Семантическая структура флоронима *медуница*, создающая художественный образ цветка, не исчерпывается обозначением невысокого многолетнего травянистого растения. Для художественного мира Б. Ахмадулиной куда важнее, что его соцветие похоже на *горла алого рваный проём*, напоминающий о таком качестве поэзии, как жертвенность.

Литература

1. Ахмадулина Б.А. Сочинения: В 3-т. Т. 2: Стих-я: 1980–1996 г. М.: Пан; Корона-принт, 1997.
2. Биджиева А.А. Когнитивная флористическая метафора в русской литературе первой половины XIX века (на материале поэтических текстов): специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2010.
3. Девятова Н.М. О сравнении образном, логическом, отождествительном: к проблеме типологии синтаксических конструкций // Преподаватель XXI век. 2008. № 4. – С. 101–105.
4. Девятова Н.М. Природный мир в пространстве русского синтаксиса: существительное «цветок» и его производные // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: Коллективная монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2024. – С. 358–365.
5. Казмирчук О.Ю. Роль цветочных мотивов в художественном универсуме цикла Б.Л. Пастернака «Переделкино» // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: Коллективная монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2024. – С. 129–135.
6. Лапутина Т.В. Метафора-приложение в идиостиле Б. Ахмадулиной / Текст, контекст, интертекст. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения. Отв. ред. И.Н. Райкова, М.: Книгодел: МГПУ, 2019. – С. 253–266.
7. Лапутина Т.В. Субстантивная метафора Б. Ахмадулиной // Филологический сборник: в честь юбилея профессора Л.И. Осиповой. М.: Общество с ограниченной ответственностью Рекламно-издательское агентство «ВивидАрт», 2015. – С. 83–89.
8. Огольцева Е.В. Васильки и колокольчики в русской языковой картине мира // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4(52). – С. 104–117.